

команду и тогда, братцы, за дѣло; а теперь — не волнуйтесь, пусть пожаръ продолжается.

Но что долженъ чувствовать и дѣлать человѣкъ, думающій о благѣ церкви, когда ему торжественно объявляютъ о скоромъ созывѣ собора и необходимости проведения церковной реформы, а между тѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ въ этомъ направленіи не сдѣлаютъ ничего?

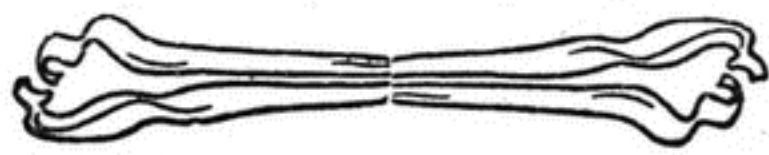
По смыслу каноническаго права въ истолкованіи его миссіонеромъ-чиновникомъ г. Айвазовымъ, присвоившимъ себѣ привилегію правильнаго пониманія православія, такіе люди должны хранить молчаніе и безропотно все ждать и ждать, пока высшее начальство не соблаговолитъ двинуть попавшій на мертвую точку вопросъ о церковныхъ преобразованіяхъ.

Но позвольте,—возражаете вы,—я хорошо вижу, что отсрочка реформы ведетъ къ развалу русской церковной жизни и ея управленія, и я не могу молчать. Все-таки молчите, какъ бы поучаетъ васъ г. Айвазовъ, не смотрите критически на церковную жизнь,—не ваше дѣло заботиться о ней,—въ этомъ должно положиться во всемъ на высшую духовную власть и начальство, если желаете оправдать носимое вами названіе православный. Но прожитое русскимъ обществомъ послѣднее десятилѣтіе во многомъ измѣнило общественную психологію. Въ русскихъ людяхъ все болѣе и болѣе пробуждается самосознаніе и самодѣятельность, и уже самый фактъ участія народныхъ представителей въ государственномъ законодательствѣ исключаетъ возможность подобнаго отношенія къ дѣламъ общественнымъ, среди которыхъ въ Россіи важное мѣсто занимаютъ дѣла церковныя. Недовѣріе и нерасположеніе къ тѣмъ, отъ кого зависитъ движеніе вопроса церковной реформы, и очень мрачныя мысли о будущемъ,—вотъ какъ отзывается въ душахъ большинства безсрочная остановка дѣла церковныхъ преобразованій.

Естественно, что подобное состояніе особенно остро можетъ переживаться многими епископами и представителями духовенства, понимающими необходимость и значеніе все еще ожидаемой реформы. Но обыкновенно это состояніе не выходитъ у нихъ за предѣлы своей души и частныхъ разговоровъ. Мы знаемъ немало вздыхающихъ о реформѣ епископовъ, возмущенныхъ ея отсрочкой протоіереевъ и іереевъ, но за исключеніемъ очень немногихъ мы не видимъ среди нихъ общественныхъ дѣятелей, открыто настаивающихъ на осуществленіи давно обѣщанныхъ церковныхъ реформъ. Такое отношеніе къ вопросамъ реформы во многомъ объясняется ненормальнымъ положеніемъ русскаго епископа и духовенства въ сферѣ церковнаго управленія, между прочимъ, особенно ярко выражающимся въ господствѣ у насъ церковно-бюрократическихъ порядковъ. Епископъ, часто очень самовластный въ своей епархіи, оказывается лишеннымъ почти всякаго значенія, когда вопросъ идетъ объ интересахъ всей церкви и о дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, сосредоточеннаго въ синодѣ. По отношенію же къ духовенству все это усиливается еще его приниженнымъ и безправнымъ положеніемъ, при которомъ оно безъ суда и слѣдствія нерѣдко по одному гнѣву епископа можетъ подвергаться разнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, заставляющимъ его дрожать за свое положеніе и за судьбу своей семьи. При такихъ условіяхъ трудно осуждать духовенство за его кажущееся равнодушнымъ отношеніемъ къ дѣлу церковныхъ преобразованій. Но въ Россіи ходомъ вещей образовалась группа духовенства, поставленная болѣе независимо и способная оказывать извѣстное вліяніе даже на церковное управленіе. Это—тѣ духовныя лица, которые избраны членами Гос. Думы. Въ качествѣ народныхъ избранниковъ они даже обязаны живо отражать въ себѣ не только матеріальныя, но и духовныя нужды народа и открыто указывать на замѣчаемые ими недостатки. И вотъ, во исполненіе этого своего долга члены Гос. Думы изъ духовенства, послѣ назначенія оберъ-прокуроромъ А. Д. Самарина, подававшего большія надежды, рѣшили высказать ему «свои думы, надежды, сѣтованія и взгляды по поводу церковной жизни». Г. Самаринъ, желая лучше разобраться во всемъ этомъ, предложилъ имъ изложить письменно. Такъ появилась записка думскаго духовенства на имя оберъ-прокурора св. синода, которая до сихъ поръ вызываетъ въ обществѣ и печати много разныхъ толковъ и споровъ. Казалось бы, что же тутъ особеннаго или вреднаго для церкви! Когда люди видятъ, что начинается загораться домъ, почему бы имъ не закричать объ этомъ всѣмъ, кто въ той или иной степени можетъ предупредить дальнѣйшее распространеніе огня. То, что происходитъ въ настоящее время въ русской церковной жизни, во многомъ можно сравнить съ начинающимся пожаромъ и естественно, что по существующей тѣсной связи въ Россіи церковнаго управленія съ государственнымъ думское духовенство обратилось къ оберъ-прокурору св. синода.

Но оказывается, сейчасъ же нашлись лица, которые увидѣли въ этомъ фактѣ чуть ли не потрясеніе основъ и нѣчто «неканоничное». Одинъ епархіальный архіерей, напримеръ, высказалъ намъ, что думское духовенство за его заниску слѣдовало бы предать церковному суду и лишить сана. Въ этомъ отношеніи началась травля авторовъ записки, очень характерная для нашего времени. Особеннымъ выразителемъ ея является все тотъ же современный истолкователь православія г. Айвазовъ. Со свойственной ему необузданностью языка, особенно приспособленнаго для сѣянія въ мірѣ вражды, г. Айвазовъ допустилъ назвать записку «доносомъ оберъ-прокурорской власти» и упрекать думское духовенство въ поддержаніи засилья свѣтской власти въ жизни церкви. По убѣжденію миссіонера-чиновника, оберъ-прокуроръ синода,—видите ли,—не долженъ знать, что происходитъ въ жизни церкви, а выслушиваніе этого отъ духовенства и способствованіе съ его стороны движенію дѣла церковной реформы есть одинъ изъ видовъ засилья свѣтской власти. Да такихъ нелѣпостей, кажется, еще никто не договаривался.

Договариваться договаривались въ синодскомъ вѣдомствѣ и не до такихъ еще нелѣпостей. Но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что они тамъ признаются основой жизни. Это поуже всякаго пожара. Откровенно говоря, горѣтъ ужъ нему — все испепелено.

Старообрядчество и русская школа.

Выраженія «невѣжественный расколъ», «старообрядчество не совмѣстимо съ просвѣщеніемъ» и т. п. — все еще продолжаютъ раздаваться публично и иногда даже искренно. Въ послѣднемъ случаѣ все дѣло происходитъ отъ простаго неанія старообрядчества; о послѣднемъ даже современные публицисты находятъ возможнымъ судить по шпаргалкѣ, написанной еще Питиримомъ нижегородскимъ.

Мы видѣли какъ свято блюдутся въ старообрядчествѣ основы семьи, какъ дорога для матери-старообрядки физическая и духовная чистота ея дѣтей и послѣ этого намъ станетъ вполне понятнымъ строго-критическое отношеніе старообрядцевъ къ школьному вопросу. Школа продолжаетъ дѣло воспитанія ребенка, въ ея стѣнахъ укрѣпляются и развиваются тѣ основы, которыя заложила въ ребенкѣ семья. Какъ должны были относиться родители-старообрядцы къ той школѣ, гдѣ ихъ дѣтей сознательно заставляли смотрѣть съ презрѣніемъ на вѣру отцовъ, въ которой все родное и святое называлось глупымъ, суевѣрнымъ и грѣховнымъ; какъ должны были относиться старообрядцы къ той школѣ, въ которой ихъ дѣтямъ прежде всего внушали, что старообрядчество есть зло, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе избавиться? Могли ли старообрядцы вполне доброжелательно относиться къ тѣмъ, кто насильно водилъ ихъ дѣтей въ никоніанскіе храмы, заставлялъ исполнять чуждые обряды? Для старообрядцевъ имѣетъ безусловное значеніе то, что будетъ съ душой ребенка, и передъ этимъ вопросомъ совершенно отодвигался интересъ къ дипломированному положенію въ жизни. Но развѣ можно, благодаря указываемымъ причинамъ, вывести заключеніе, что старообрядцы вообще противъ школы? Это было бы сплошной нелѣпостью, которую, къ нашему глубокому прискорбію, нерѣдко приходится наблюдать и въ настоящее время. При знакомствѣ съ исторіей старообрядчества, съ его современной общественно-религіозной жизнью, невольно бросается въ глаза горячее стремленіе къ истинному, не однобокому, свѣту знанія. Исторія старообрядчества даетъ яркій примѣръ русской самобытной школы, которая жила на Руси, несмотря ни на какія административныя карательныя мѣры и скромно дѣлала свое великое и святое дѣло. Да, это не преувеличеніе — великое и святое! Русскій народъ многимъ обязанъ старообрядческимъ

народнымъ вольнымъ учителямъ, этимъ стильнымъ старушкамъ и старичкамъ съ ихъ стариннымъ, «іосифовскимъ» Псалтыремъ. Сколько русскихъ людей воспиталось на этой дивной книгѣ, сколько душъ соблюла она отъ грязи и разложенія!

Современное старообрядчество, устами всѣхъ своихъ согласій, заявляетъ о настойчивой необходимости имѣть собственную школу, которая бы была въ состояніи продолжать работу надъ личностью ребенка, начатую въ семьѣ. Въ постановленіяхъ съѣздовъ старообрядцевъ различныхъ согласій наиболее ярко выразился взглядъ современнаго старообрядчества на школу и на характеръ ея дѣятельности.

Старообрядцы Спасова согласія на своемъ первомъ собраніи заявили:

«Желательно дѣтей учить бы своимъ учителямъ, избраннымъ изъ начетчиковъ; и учить бы не только псалтырю, но часослову, и катихизису, хотя малому, и прочая по возможности»¹⁾.

На всероссійскомъ съѣздѣ старообрядцевъ-безпоповцевъ часовенныхъ (въ 1911 году) вопросу о школѣ было удѣлено особое вниманіе — былъ прочитанъ особый докладъ и произведенъ обмѣнъ мнѣній.

«Далѣе, — читаемъ въ «Трудахъ» этого съѣзда, — путемъ цѣлаго ряда выдержекъ изъ священнаго Писанія и твореній свв. отцовъ, онъ (докладчикъ) доказываетъ, что учиться обязательно нужно и что пугающее старообрядцевъ названіе «школа» предосудительнаго или грѣховнаго въ себѣ ничего не заключаетъ. Заканчиваетъ докладъ г. Заплатинъ призывомъ, какъ можно больше заботиться о просвѣщеніи старообрядческаго юношества, ведя таковое по пути истинно-религіознаго воспитанія»²⁾.

Въ отвѣтъ на докладъ, участники съѣздовъ высказали задумчиво-трогательно свои симпатіи новому направленію жизни старообрядчества и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣками нажитыя опасенія предъ той «школой», гдѣ попиралась ихъ вѣра и насилдовалось религіозное чувство ихъ дѣтей:

«Мы неграмотные и темные. Всего мы боимся, во всемъ сомнѣваемся. Простите насъ. Убѣдите. Приведите въ благо-разуміе. Мы сердцемъ чувствуемъ, что вы говорите о чемъ-то хорошемъ. Но страхъ останавливаетъ насъ. Помогите намъ разобраться»³⁾.

Тѣ же старообрядцы, которые уже пожелали, въ стремленіи имѣть собственную школу, перейти отъ словъ къ дѣлу, натолкнулись на болото нашей канцелярщины и «независящихъ обстоятельствъ».

«Два года мы ходатайствуемъ объ открытіи школы и все безъ успѣха. Прошу васъ: помогите намъ выйти изъ темноты и невѣжества: они давятъ насъ»⁴⁾.

Старообрядцы-поповцы, приѣмлющіе священство, переходящее отъ господствующей церкви, на своемъ первомъ съѣздѣ вынесли о школѣ слѣдующее единогласное постановленіе:

«Собраніемъ постановлено единогласно учреждать школы по всѣмъ приходамъ, гдѣ находятся наши христіане»⁵⁾.

На второмъ съѣздѣ вопросъ о школахъ былъ снова поставленъ и необходимость школы была выражена еще болѣе полно и отчетливо:

«Да, училища неизбѣжны, необходимы для души, для нашего спасенія, для сознательнаго отношенія къ Евангелію—они необходимы, какъ воздухъ, какъ вода, какъ пища для тѣла»⁶⁾.

На всероссійскихъ съѣздахъ наиболее значительныхъ старообрядческихъ согласій вопросъ о школѣ принципиально въ отдѣльности не ставился, а обсуждался въ связи съ вопросомъ о направленіи дѣятельности школы, о ея характерѣ; самая же необходимость школы была для участниковъ съѣздовъ безспорной и очевидной истиной.

«Съ 1900 года по 1908 годъ было создано девять съѣздовъ старообрядцевъ, послѣдователей Бѣлокриницкой іерархіи — въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, одинъ съѣздъ старообрядцевъ-безпоповцевъ въ Вильнѣ въ 1906 году, одинъ съѣздъ представителей того же согласія въ Москвѣ и одинъ съѣздъ старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство отъ синодальной церкви. Кромѣ того, были за этотъ періодъ времени мѣстные съѣзды безпоповцевъ, два съѣзда въ Сибири послѣдователей Бѣлокриницкой іерархіи. Первые пять съѣздовъ не имѣли спеціальнаго разрѣшенія администраціи, протоколы ихъ не были напечатаны, а только въ гектографированномъ видѣ были разосланы участникамъ съѣздовъ. Съ шестого съѣзда 1906 года они стали болѣе открытыми, и протоколы ихъ стали доступны для широкой публики. Въ основу работы съѣздовъ легли прежде всего церковно-религіозные вопросы. Они сильно занимали умы старообрядцевъ и волновали ихъ сердце. Борьба за свободу вѣроисповѣданія среди нихъ шла постоянно, но только за послѣднее десятилѣтіе она облеклась въ наиболее твердую и реальную форму. На ней и сосредоточилось болѣе всего вниманіе съѣздовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же засѣданій съѣздовъ послѣдовательно черезъ всѣ съѣзды, не исключая самыхъ горячихъ и живыхъ моментовъ, проходитъ красной нитью забота старообрядцевъ о просвѣщеніи»⁷⁾.

На засѣданіяхъ епархіальныхъ съѣздовъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи также поднимался вопросъ о школѣ и рѣшался вездѣ одинаково — школа необходима и желательна.

«По мѣрѣ возможности, — читаемъ мы въ отчетѣ Донского епархіальнаго съѣзда, — слѣдуетъ открывать школы, но безусловно учителя и законоучителя должны быть старообрядцы. Общую программу отвергать не слѣдуетъ, такъ какъ наука не портитъ ничуть дѣтей. Св. Іоаннъ Златоустый прошель эллинскія науки, а учителемъ имѣлъ язычника — Ливанія, но это не помѣшало ему достигнуть святости и быть вселенскимъ учителемъ Церкви Христовой»⁸⁾.

На съѣздѣ нижегородско-костромской епархіи выражена та же мысль, но болѣе ярко:

«Счастливы тѣ общины, гдѣ устроены эти разсадники просвѣщенія, гдѣ воспитывается старообрядческое юношество подъ руководствомъ старообрядческихъ же воспитателей... По-моему, устройство старообрядческихъ училищъ должно считаться выше всего, и мнѣ желательно, чтобы были во всѣхъ приходяхъ старообрядческія школы»⁹⁾.

Наконецъ, старообрядческіе епископы на засѣданіи Освященнаго Собора высказались за необходимость религіозно-

1) «Постановленія перваго всероссійскаго старообрядческаго собранія Спасова согласія». Н.-Новгородъ, 1906 г. Стр. 5.

2) «Труды перваго всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ, не имѣющихъ священства (часовенныхъ) въ г. Екатеринбургѣ, съ 25—30 сентября 1911 г.». Екатеринбургъ, 1912 г., стр. 33.

3) Тамъ же, стр. 30.

4) Тамъ же, стр. 33.

5) «Труды всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство, переходящее отъ господствующей церкви, въ Нижнемъ-Новгородѣ 18—19 мая 1908 (7416) года». Москва, 1908 г., стр. 51.

6) «Труды II-го всероссійскаго старообрядческаго съѣзда христіанъ, приѣмлющихъ священство, переходящее отъ господствующей въ Россіи церкви, состоявшагося въ Н.-Новгородѣ 10—15 мая 1909 года». Москва, 1909 г., стр. 69.

7) «Вопросы народнаго образованія среди старообрядцевъ», стр. 5.

8) «Первый епархіальный съѣздъ старообрядческой Донской епархіи 11—12 мая 1911 г.». Новочеркасскъ, 1911 г., стр. 9.

9) «Епархіальный съѣздъ старообрядческой Нижегородско-Костромской епархіи 11—12 августа 1914 г.». Н.-Новгородъ, 1914 г., стр. 28.

нравственнаго воспитанія въ духѣ старообрядческой Церкви дѣтей обоюго пола:

«Освященнаго Собора старообрядческихъ епископовъ постановленіе.

Освященный Соборъ, собравшійся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ засѣданіи своемъ 22 сентября сего 1906 года, выслушавъ докладъ частнаго собранія объ упадкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія старообрядческаго юношества и о необходимости открытія въ каждомъ приходѣ начальныхъ училищъ, постановилъ: составить отъ лица Освященнаго Собора воззваніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ — о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія въ духѣ православной Церкви дѣтей обоюго пола; вмѣнить въ непремѣнную обязанность священникамъ и попечительствамъ каждаго прихода позаботиться объ открытіи въ приходѣ школы грамоты, а гдѣ возможно, — церковно-приходскихъ училищъ съ болѣе высшей программой обученія. Изысканіе средствъ на это возлагается на священниковъ и попечителей. Призываемъ помощь Божию на это благое дѣло и посылаемъ архипастырское благословеніе. Москва, 1906 года, сентября 23 дня»¹⁰⁾.

Въ соборномъ «воззваніи» къ «старообрядческимъ священнослужителямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ» говорится, между прочимъ:

«Къ открытію своихъ училищъ, для воспитанія юношества по пути истины, наступила крайняя необходимость. Къ достиженію сего вы, пастыри, яко стражи дому Израилеву (Іезек. 3, 17) благовременно и безвременно (Тимоѡ., зач. 297) внушайте о семъ ввѣренному вамъ стаду... Обращаясь къ вамъ, отцы и матери, молимъ: внимайте гласу своихъ пастырей и общими совѣтами и матеріальными средствами способствуйте открытію своихъ училищъ въ каждомъ приходѣ, ибо велика обязанность родителей, чтобы воспитать дѣтей въ благочестіи, и за доброе воспитаніе обѣщано имъ спасеніе: *спасется бо (жена) чадородія ради* (Тимоѡ., зач. 282)»¹¹⁾.

Старообрядчество и въ прошломъ, и въ настоящемъ времени стремилось и стремится не только къ первоначальной школѣ грамоты, оно постоянно дѣлало попытки открыть собственную среднюю и даже высшую школу.

«Одинъ изъ выгорѣцкихъ старцевъ, Андрей Борисовичъ, очень плодовитый писатель, составлялъ проектъ основать въ Выгорѣцкѣ академію, но эта мысль не осуществилась, потому что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ истребилъ это поморское святилище. Впослѣдствіи самъ Павелъ Любопытный писалъ къ московскому поморскому пастырю Скачкову о необходимости учредить для юношества своей секты училища, «гдѣ бы преподаваема была вся словесность наукъ. Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Демосокены и Ликурги!»¹²⁾.

Старообрядцы-поповцы высказывали также желаніе имѣть собственное учебное заведеніе съ программой, приближающейся къ средней школѣ, и въ этомъ направленіи предпринимали ходатайства предъ правительственной властью.

Въ неизданной до сихъ поръ «Запискѣ о положеніи, слѣдующихъ старинному ученію», составленной въ 1844 году, старообрядцы Рогожскаго кладбища, обращаясь къ правительству, писали:

«Дозволить возобновить въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ уничтоженное ученіе старообрядческихъ дѣтей русской словесности и чистописанію, а если благоугодно будетъ правительству преподавать въ этомъ училищѣ и словесности греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, то

согласны будутъ и на то старообрядцы, только съ тѣмъ, чтобы всѣ учителя опредѣляемы были въ него по избранію ихъ самихъ и чтобы ученіе и нравственность учениковъ состояли подъ наблюденіемъ попечителей сего кладбища»¹³⁾.

Современное старообрядчество единодушно признаетъ среднее и высшее образованіе «желательнымъ» и «необходимымъ»:

«Среднее и высшее образованіе въ старообрядцествѣ не только желательно, но и необходимо по примѣру св. Іоанна Златоустаго и др. святыхъ отецъ Церкви, изучившихъ высшія науки и сохранившихъ благочестіе и святость»¹⁴⁾.

Тождественныя взгляды высказываютъ старообрядцы разныхъ мѣстностей Россіи, по даннымъ анкеты 1909 г., произведенной совѣтомъ всероссійскихъ съѣздовъ старообрядцевъ:

«Нужны намъ, старообрядцамъ, не только начальные школы, но и средне-учебныя заведенія» (Симбирская губ.¹⁵⁾.

«Слѣдовало бы и среднюю школу старообрядцамъ имѣть хотя бы для каждой губерніи по одной въ губернскомъ городѣ. Понятное дѣло — съ пансіономъ, гдѣ бы можно дѣтей привозить и отдавать на воспитаніе. Всякому интеллигентному человѣку необходимо имѣть среднее образованіе, это — для тѣлесной жизни; желательно, чтобы и духовная жизнь процвѣтала и имѣла непоколебимую основу вѣры, съ которой легко жить человѣку и бороться со всякими затрудненіями въ жизни» (Владим. губ.)¹⁶⁾.

Старообрядцы Бѣлокриницкой іерархіи при первой же возможности перешли отъ пожеланій къ дѣлу и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1910 года «архіепископъ московскій Іоаннъ представилъ въ совѣтъ Рогожскаго кладбища разработанный проектъ высшаго старообрядческаго училища, ставящаго цѣлью подготовку священниковъ и учителей старообрядческихъ школъ. Проектъ былъ составленъ особой комиссіей епископовъ подъ предсѣдательствомъ владыки Іоанна и рекомендовалъ создать подобное училище при Рогожскомъ кладбищѣ. Желательность созданія высшаго старообрядческаго училища отстаивалъ и совѣтъ всероссійскихъ съѣздовъ старообрядцевъ. Совѣтъ общины, ознакомившись съ представленнымъ матеріаломъ, призналъ, что созданіе училища, подготовляющаго старообрядческихъ учителей и священниковъ, есть задача неотложная, что теперь, когда намъ, старообрядцамъ, предоставлена возможность открывать свои школы и воспитывать молодое поколѣніе въ духѣ Христовой вѣры, мы не можемъ оставить подрастающее поколѣніе безъ надлежащаго руководства, а будущимъ нашимъ пастырямъ не облегчить ихъ тяжелую работу»¹⁷⁾.

Въ сентябрѣ 1912 года состоялось открытіе московскаго старообрядческаго шестикласснаго института, который къ настоящему времени развиваетъ свою полезную для старообрядчества дѣятельность. Въ старообрядческомъ институтѣ воспитываются дѣти-старообрядцы безъ различія согласій, и поповцы, и безпоповцы, при чемъ, конечно, какихъ-либо тенденцій по отношенію къ тому или иному согласію безу-

¹⁰⁾ «Постановленія Освященныхъ соборовъ старообрядческихъ епископовъ 1898—1912 гг.», стр. 60.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 63 и слѣд.

¹²⁾ Н. И. Костомаровъ: «Исторія раскола и раскольниковъ», «Вѣстникъ Европы», 1871 г., № 4.

¹³⁾ Рукопись принадлежитъ священнику Рогожскаго кладбища о. Петру Николаевичу Никифорову, съ любезнаго разрѣшенія котораго мы имѣли возможность ею воспользоваться. Рукопись по нѣкоторымъ даннымъ писана рукой извѣстнаго въ исторіи Рогожскаго кладбища Кочуева. (См. П. И. Мельниковъ-Печерскій: «Очерки поповщины», т. VII полн. собр. сочин., стр. 250, изд. Маркса).

¹⁴⁾ «Труды перваго всероссійскаго съѣзда по народному образованію христіанъ-старообрядцевъ поморцевъ, бывшаго въ г. Двинскѣ (Витебской губ.), 3—5 іюля 1911 г.», стр. 2.

¹⁵⁾ «Вопросы народнаго образованія среди старообрядцевъ», стр. 111.

¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 111.

¹⁷⁾ «Докладъ Совѣта общины Рогожскаго кладбища по поводу предполагаемаго открытія старообрядческаго института», стр. 1.

словно не допускается — старообрядцы умѣютъ цѣнить и понимать свободу религіозныхъ убѣжденій¹⁸⁾.

Въ задачи нашего изложенія не входитъ подведеніе итога дѣятельности старообрядчества въ школьномъ дѣлѣ — для этой работы еще не наступило время, такъ какъ школьное строительство въ старообрядствѣ только налаживается, указаніе же на московскій старообрядческій институтъ приведено съ цѣлью охарактеризовать отношеніе старообрядцевъ къ средней и высшей школѣ.

И. Кирилловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О благодарности.

У каждаго народа, на каждомъ языкѣ, есть свои особыя выраженія благодарности. Большею частью они носятъ религіозный характеръ или отгѣнокъ. Такъ, напримѣръ, у русскаго народа, преимущественно у старообрядцевъ, принято благодарить словами «спаси, Христось!» Говорятъ также: «Богъ спасетъ!» или «Спаси Богъ!» Первому выраженію должно быть отдано христіанами предпочтеніе, такъ какъ «Богъ спасетъ!» и «спаси Богъ!» могутъ говорить и дѣйствительно говорятъ и евреи, и магометане, и вообще всѣ вѣрующіе въ Бога, но «спаси Христось» могутъ произнести только вѣрующіе во Христа.

Слово «благодарю», хотя и не имѣетъ религіознаго характера, но и не противно благочестію, и потому христіане употребляютъ его безъ сомнѣнія.

Но выраженіе «спасибо» вызываетъ сомнѣніе, потому что

¹⁸⁾ Въ московскомъ старообрядческомъ институтѣ по утвержденному правительствомъ учебному плану преподаются слѣдующіе предметы:

1) Исторія священнаго Писанія. 2) Малый катехизисъ. 3) Литургика. 4) Догматическое богословіе. 5) Нравственное богословіе. 6) Основное богословіе. 7) Сравнительное богословіе. 8) Исторія восточной и западной церкви. 9) Исторія русской церкви. 10) Исторія старообрядчества. 11) Церковное право съ практическимъ руководствомъ для священниковъ. 12) Русскій языкъ. 13) Славянскій языкъ. 14) Ариметика. 15) Алгебра. 16) Геометрія. 17) Всеобщая исторія. 18) Русская исторія. 19) Географія. 20) Физика. 21) Природовѣдѣніе. 22) Логика. 23) Психологія. 24) Введеніе въ философію. 25) Педагогика. 26) Гигіена. 27) Греческій языкъ. 28) Нѣмецкій языкъ. 29) Рисованіе. 30) Пѣніе.

Институтъ имѣетъ великолѣпное собственное каменное зданіе на Рогожскомъ кладбищѣ, удовлетворяющее требованіямъ школьной гигиены и техники. При институтѣ имѣется общежитіе, такъ какъ ученики по преимуществу провинціалы. Въ первыхъ 3-хъ классахъ института въ 1915 году находилось 80 учениковъ, которые по происхожденію дѣлятся на слѣдующія группы: горожанъ—11 человекъ; земледѣльцевъ—42 чел.; сыновей священниковъ—27 чел. Ученики старообрядческаго института вносятъ въ годъ 30 руб.; за ученіе, 10 руб. за учебники и по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ за содержаніе въ общежитіи. При старообрядческомъ институтѣ учреждено (въ 1914 г.) шесть постоянныхъ стипендій и 12 ежегодныхъ. «Попечительный совѣтъ уполномочилъ лѣтомъ 1914 года директора старообрядческаго института А. С. Рыбакова и преподавателя Ѳ. Е. Мельникова посѣтить старообрядческія общины Поволжья съ цѣлью привлечь матеріальныя пожертвованія на постройку старообрядческаго института и поднять на мѣстахъ мысль объ учрежденіи стипендій при старообрядческомъ институтѣ. Провинціальное старообрядчество живо интересуется старообрядческимъ институтомъ, глубоко сочувствуетъ его работѣ; видными дѣятелями Поволжья даны обѣщанія учредить стипендіи». Годовой бюджетъ института около 30.000 руб. (Отчетъ московской старообрядческой общины Рогожскаго кладбища за 1914 годъ, стр. 15. См. также отчетъ той же общины за 1913 годъ, стр. 15). Освященный Соборъ старообрядческихъ епископовъ въ 1915 году въ своемъ соборномъ «воззваніи» благословилъ дѣятельность института. (Воззваніе напечатано въ журн. «Слово Церкви» № 37, 1915 г.).

оно для русскаго человека непонятно и кажется безсмысленнымъ. Желая осмыслить его, отыскать въ немъ какой-нибудь смыслъ, нѣкоторые толкуютъ его такъ. Въ древнія времена, до крещенія Руси, былъ идолъ по имени Бо. Тогдашніе идолопоклонники и выражали въ честь его свою благодарность «спаси Бо». Слѣдовательно, кто произноситъ это выраженіе, тотъ призываетъ идола Бо, и потому тяжко погрѣшаетъ. Поэтому и по другимъ причинамъ старообрядцы избѣгаютъ этого выраженія и никогда его не употребляютъ. Говорю не объ исключеніяхъ, а о правилѣ, о томъ, какъ вообще принято у старообрядцевъ относиться къ этому выраженію. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что приведенное объясненіе слова «спасибо» неправильно. Это видно хотя бы уже изъ того, что никакого идола Бо никогда на свѣтѣ не было и нѣтъ.

Объясняется же это слово гораздо проще. Оно не великорусское, а малорусское. На малорусскомъ же нарѣчій слово Богъ произносится: Бо, безразлично — относится ли оно къ истинному Богу или ложному. Они говорятъ: «Дай Бô», вмѣсто: «Дай Богъ», «Помогай Бô», вмѣсто: «Помогай Богъ», «Ей Бô», вмѣсто: «Ей Богу» и т. д. Въ правописаніи у нихъ въ означеніе, что Бо означаетъ Богъ, ставится надъ о особый значекъ въ видѣ треугольника.

Итакъ, какъ же? Слѣдуетъ ли русскимъ людямъ употреблять выраженіе: «Спаси Бô», превратившееся въ безсмысленное «спасибо»? Нѣтъ, не слѣдуетъ, потому что тогда надо будетъ употреблять и другія малороссійскія выраженія: «Дай Бô», «помогай Бô» и проч.

Но развѣ нашъ русскій-то языкъ настолько бѣденъ или некрасивъ, что на немъ нельзя или неловко выражать благодарность? Это было бы очень горько и обидно. А нѣкоторые такъ и дѣлаютъ, употребляя не только малороссійское и непримѣнно въ искаженномъ видѣ: «спасибо», но и совсѣмъ иностранное французское слово: «мерси», которое ничего не говоритъ русскому уму и сердцу, не знающему французскаго языка, такъ что были случаи, что нѣкоторые принимали это слово за оскорбленіе, и получались недоразумѣнія.

Намъ, старообрядцамъ, приличнѣе всего въ разговорѣ между собою выражать благодарность словами «спаси Христось!», а въ сношеніяхъ съ иноувѣрными: «благодарю».

Безсмысленнаго же «спасибо» рѣшительно избѣгать, тѣмъ болѣе, что оно очень часто употребляется въ ироническомъ смыслѣ или въ знакъ фамильярности и снисходительности, почему и принято, что высшій низшему говорить: «спасибо!», а низшій высшему—«благодарю» или «покорнѣйше благодарю», но отнюдь не «спасибо».

Е. И.

Отвѣты подписчикамъ.

Вопросъ (свѣщ. В. Абрамова): Какъ понимать въ отношеніи равенства и нераздѣльности св. Троицы сказанное въ Евангеліи: Мрк. XIII, 32 и Іоан. XIV, 9—11, 28?

Отвѣтъ: Вашъ вопросъ касается равенства и нераздѣльности Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. По такому вопросу достаточно указать на слова Самого Ісуса Христа Сына Божія: «Я и Отецъ—одно» (Іоан. X, 29); «Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ» (Іоан. X, 38). Эти слова болѣе чѣмъ опредѣленно говорятъ о равенствѣ и нераздѣльности съ Богомъ Отцомъ Единороднаго Сына Его. Что же касается указываемыхъ вами мѣстъ Евангелія, то для истиннаго уразумѣнія ихъ необходимо принять во вниманіе, при какихъ обстоятельствахъ это было сказано; ибо если мы станемъ принимать ихъ безъ изслѣдованія такихъ обстоятельствъ, то неизбѣжно встанемъ

на потребителя, какъ на объектъ для эксплуатаціи и наживы.

Новый петроградскій митрополитъ Питиримъ высказалъ слѣдующій взглядъ на участіе духовенства въ политикѣ:

«Церковь должна быть какъ можно дальше отъ политики, а въ особенности—отъ политиканства. Горе церкви, когда пастыри вмѣсто прямого дѣла—служенія церкви—занимаются политикой, будетъ ли она лѣвой или правой. Такая дѣятельность пастырей вызываетъ только раздраженіе и неудовольствіе среди населенія и прихожанъ, а въ результатѣ церковь отъ этого только страдаетъ. Задача церкви, въ чистомъ, кристаллическомъ ея видѣ, это—служеніе Господу Богу, и духовенство только тогда можетъ стоять на должной высотѣ, если оно не заинтересовано въ тѣхъ или иныхъ частныхъ или общественныхъ вопросахъ, если оно не политично»...

По поводу этого заявленія митр. Питирима, протоіерей Н. С. говоритъ въ газетѣ «Колоколъ» (№ 2869):

Заповѣдь нашимъ архипастырямъ и пастырямъ дана ясная: «внимайте себѣ и своему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святой поставилъ пасти Церковь Господа и Бога, которую приобрѣлъ Своею кровію». Значитъ, Христосъ и Его церковь являются центромъ дѣятельности пастырей. При чемъ же здѣсь правыя и лѣвыя партіи? Гдѣ критерій правизны и лѣвизны? Развѣ дозволительно отождествлять правыя и лѣвыя партіи съ тѣмъ будущимъ дѣленіемъ, которое произведетъ Господь на Своемъ праведномъ, нелицепріятномъ и страшномъ судѣ, когда стоящіе «одесную» наследуютъ жизнь вѣчную, а находящіеся «ошую» пойдутъ въ муку вѣчную?!

Великія евангельскія слова стали игрушкой въ рукахъ политическихъ партій! Съ этими словами истины совершенно перестали стѣсняться. Стали гнаться за ихъ буквой, но не духомъ. Буква же убиваетъ, а духъ животворитъ. Этого не должно забывать.

И мы видимъ въ нашихъ архипастыряхъ и пастыряхъ, увлеченныхъ политической борьбой, буква убила духъ Евангелія, убила дѣйственность ихъ слова, поработила ихъ міру...

Сила и авторитетъ архипастыря и пастыря зиждется не на принадлежности къ той или иной партіи, а на жизни по вѣрѣ во Христа, на исполненіи Его заповѣдей, на проведеніи евангельскихъ началъ въ жизнь, на подражаніи Христу и Его апостоламъ.

Еще со времени учрежденія въ Россіи Государственной Думы и Государственного Совѣта, предъ православной церковью и ея духовенствомъ сталъ серьезный вопросъ о взаимоотношеніяхъ церкви и государства вообще, и о степени участія духовенства, въ дѣлахъ государственнаго и общественнаго управленія, въ частности. Св. синодъ этотъ вопросъ предложилъ тогда на обсужденіе епархіальнымъ архіереямъ, прося отъ нихъ отзыва. Подавляющее большинство епископскихъ голосовъ высказалось въ томъ смыслѣ, что непосредственное и активное участіе духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ необходимо, потому что современное государственное управленіе касается интересовъ не только внѣшняго благосостоянія и порядка въ Отецествѣ, но и духовныхъ нуждъ церковнаго стада.

Конечно, если стоять на послѣдней точкѣ зрѣнія, т.-е. на точкѣ зрѣнія духовныхъ нуждъ церковнаго стада, то активное и непосредственное участіе духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ необходимо, въ противномъ случаѣ оно совершенно не нужно. Но не нужно упускать изъ виду и того, что здѣсь говорится объ участіи духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ, а не объ участіи въ партійной, недостойной священнаго сана, мірской и суетной борьбѣ.

Прямо непонятно, какъ можно быть пастыремъ стада и это свое стадо обвинять въ измѣнѣ, предательствѣ и пр. Стадо не идетъ за пастыремъ, кто же здѣсь виноватъ? Стадо или пастырь? Добрый пастырь знаетъ свое стадо, а стадо знаетъ голосъ своего пастыря и за нимъ идетъ, а отъ чужого бѣжитъ... Развѣ этотъ бѣгъ отъ пастыря можно удерживать партійной плеткой? Развѣ можно стадо гнать въ свою партію скорпіонами и анаемой? Гдѣ же мощный пастырскій голосъ? Гдѣ пастырскій авторитетъ? Гдѣ стадо?

Для пастырей есть только одна партія — это партія истинныхъ послѣдователей Христа. Сдѣлайте своихъ пасомыхъ подлинными христіанами прежде всего, а остальное

все приложится... У насъ наоборотъ: сначала «правымъ» хотятъ сдѣлать и сулятъ ему за это только быть «одесную» Господа... До чего мы дожили!

Вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ умоляемъ васъ—пастырей, «чтобы всѣ вы говорили одно, и не было между нами раздѣленій, но чтобы мы соединены были въ одномъ духѣ и въ однѣхъ мысляхъ» (I Кор., 1, 10). Этого достигнуть можно не партійными политическими лозунгами, а проповѣдью Христа, Который съ нами до скончанія вѣка.

Что можетъ дать партійная борьба нашему духовенству? Ничего, кромѣ нарушенія заповѣди о любви и мирѣ, провозвѣстниками которыхъ и должно быть само духовенство. Вѣдь «правый» не значитъ правильный, истинный, а лѣвый—ложный, невѣрный... Путать эти понятія весьма вредно. Отождествлять разныя понятія намѣренно—это вводить въ явное и намѣренное заблужденіе малыхъ сихъ.

Прямое дѣло духовенства не отечество спасать, которое вовсе не гибнетъ, не враговъ внутреннихъ искать, которыхъ нѣтъ, не вражду между націями и населеніемъ сѣять, а проповѣдывать Христа, Который ради насъ и нашего спасенія пострадалъ на Голгоетскомъ Крестѣ...

Высказанный митрополитомъ Питиримомъ взглядъ противъ участія духовенства въ свѣтской политикѣ настоятельно слѣдуетъ провести въ жизнь и тѣмъ положить предѣлъ сѣянью раздора и раздѣленій страны, всѣ свои силы направившей въ страшной борьбѣ съ врагомъ отечества.

Четвертый вселенскій соборъ (прав. 4) говоритъ, что греческіе монахи возмущали иногда дѣла церкви и государственныхъ. Впослѣдствіи монашество въ Византійской имперіи прямо сдѣлалось крупной политической силой, бороться съ которой трудно было самимъ императорамъ. Но политическая дѣятельность византійскаго монашества началась съ того момента, когда оно вступило на путь омірщенія, такъ какъ совсѣмъ никакой связи нѣтъ между монашеской идеей и политической дѣятельностью монаховъ...

Очевидно, наше монашество въ лицѣ нашихъ архипастырей слѣдуетъ по стопамъ византійскаго, омірщеннаго, потерявшаго обликъ истиннаго, монашества, дѣятельность котораго осуждена жизнью и канонами и самимъ духомъ Евангелія. Мнимая правизна дѣлаетъ громадный поворотъ, переходящій въ лѣвизну.

Неужели памятная всѣмъ фраза Петра Великаго, сказанная по адресу русскаго духовенства: «бородачи, бородачи, многому злу заводчики»—снова оправдается и подтвердится? Да не будетъ этого!

Участіе духовенства въ черносотенныхъ партіяхъ доказываетъ, что эти «бородачи» до сихъ поръ остаются «многому злу заводчиками».

Старообрядчество и русская школа.

(См. № 49 журн. «Слово Церкви»).

Старообрядчество, настойчиво добиваясь устройства собственныхъ школъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ, поступаетъ такъ, согласно своимъ воззрѣніямъ на школу, на то направленіе ея дѣятельности, которое пріемлемо для старообрядчества.

Какая же школа желательна послѣднему?

Начальная школа наиболѣе близко соприкасается съ народомъ, въ соприкосновеніи именно съ этой школой обнаруживаются первые признаки заложенныхъ въ народѣ дарований, способностей. Чтобы полнѣе выявить и развить эти сѣмена Божіи, чтобы не дать заглухнуть первоначальной искрѣ Божіей, начальная школа должна быть *народна*, т.-е. другими словами, должна быть построена на началахъ, близкихъ и родныхъ народной душѣ, ея убѣжденіямъ и вѣрованіямъ. Вопросъ о начальной школѣ, которой ввѣряется хрупкая, не окрѣпшая еще личность ребенка, имѣетъ первостепенное значеніе для развитія націи, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго.

Старообрядцы вѣрно понимаютъ значеніе начальной школы и удѣляютъ ей особое вниманіе:

«Мы, собрались сюда, — говорят старообрядцы Бѣлокриницкой іерархіи, — изъ разныхъ странъ, изъ-за любви къ ближнему, поэтому на насъ и лежитъ обязанность исполнить самую важную задачу дорогого намъ старообрядчества: на сколько у насъ хватитъ силъ и средствъ, устроить старообрядческія училища»¹⁹⁾.

Также относятся къ школьному вопросу и старообрядцы-безпоповцы:

«Вопросъ о школѣ — вопросъ насущный, и заслуживающій самаго внимательнаго и серьезнаго къ нему отношенія»²⁰⁾.

Относясь такъ трезво и сознательно къ школѣ, старообрядцы не могли не убѣдиться, что русская начальная школа не удовлетворяетъ самымъ основнымъ требованіямъ русскаго народа, что вся постановка нашего школьнаго дѣла въ высшей степени ненормальна, не народна. Прежде, чѣмъ характеризовать взгляды старообрядцевъ на школу земскую, министерскую и особенно церковно-приходскую, остановимся въ самыхъ общихъ чертахъ на взглядахъ по интересующему насъ вопросу такихъ оригинальныхъ и свободныхъ мыслителей, какъ С. А. Рачинскій и В. В. Розановъ. Послѣдній находитъ, что наша школа не національна, и что «въ прошломъ» были «гораздо лучшіе задатки»:

«Россія въ прошломъ своемъ и въ свободныхъ своихъ условіяхъ дала *гораздо лучшіе задатки*, чѣмъ какіе мы развиваемъ сейчасъ, или какими пользуемся официально. Наши уставы, какъ гимназическій, такъ и университетскій, суть компиляціи съ иностраннаго, и даже проще — переводъ съ нѣмецкаго. Но дѣло лежитъ гораздо глубже, потому что и самый матеріалъ образованія, съ которымъ непосредственно соприкасается отроческій и юношескій возрастъ всей страны, есть также не русскій въ $\frac{7}{10}$ своего состава. То-есть, незамѣтно и неуклонно мы передѣлываемъ самую структуру русскою души «на манеръ иностраннаго»... Духовная перспектива, навязанная школою въ самый воспримчивый и чуткій возрастъ, на мягкомъ воскѣ еще не окрѣпшей души скоро затвердѣваетъ и уже остается недвижимою во всю послѣдующую жизнь, въ дѣйствительности, естественно, такъ мало «зрѣлой»... Мы далеки отъ мысли отрицать значеніе древности, какъ и значеніе европейской исторіи, литературы, философіи, науки. Но мы думаемъ, что прочно и правильно осѣсть все это можетъ только на типично сложившуюся душу, а не электрическій наборъ какихъ-то кусочковъ всевозможныхъ «душъ», по нашему предположенію составляющій «настоящую обще-человѣческую душу». По крайней мѣрѣ, отъ древняго грека и до современнаго намъ англичанина, француза, нѣмца, — каждый, именно, въ пору отрочества и первой юности, воспитывался и воспитывается въ типично-національномъ духѣ, — и можетъ быть, этотъ же крѣпкій фундаментъ даетъ основательность и яркость послѣдующимъ блужданіямъ духа, если имъ случится переступить за національныя рамки»²¹⁾.

Только европейская война раскрыла глаза русскимъ людямъ на производившееся постепенное онѣмечиваніе русскаго человѣка, начиная съ начальной школы и кончая университетами. Вся наша учебная система была чисто-нѣмецкая. «И все наше министерство просвѣщенія отъ какого-то Вральмана», — замѣчаетъ тотъ же В. В. Розановъ²²⁾.

Русская школа должна быть построена на самобытныхъ

русскихъ началахъ, отвѣчающихъ основнымъ стремленіямъ русской души. Каковы же эти основы? Отвѣтить на этотъ вопросъ предоставимъ извѣстному русскому педагогу С. А. Рачинскому, такъ пристрастно замолченному нашимъ интеллигентнымъ обществомъ:

«Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу; которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ; которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто — чудовищнымъ заблужденіямъ; которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознаніе своего безсилія; и, въ связи съ нимъ, отступленіе передъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя глубокія паденія; которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обуславливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ, — вся эта нравственная суть русскаго чловѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ Церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой Церкви въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой Церкви, и духовныхъ, и свѣтскихъ»²³⁾.

По мнѣнію С. А. Рачинскаго въ русской начальной сельской школѣ опредѣляющее вліяніе должна оказать Церковь; только при ея благотворномъ вліяніи возможно успѣшное развитіе русской школы на пользу русскаго народа. Какими же способами Церковь можетъ оказать вліяніе на школу? Отвѣчая на этотъ вопросъ С. А. Рачинскій описываетъ церковное богослуженіе, совершаемое при участіи учениковъ сельской школы и далѣе говоритъ: «... мнѣ хотѣлось выяснить, какъ можно нагляднѣе, тѣмъ изъ нихъ, коимъ приходится имѣть соприкосновеніе съ сельской школою, одну существенную ея особенность. Говорю о томъ пристрастіи, которое развивается во всякой школѣ, живущей жизнью *маломальски естественною*, къ Часослову и Псалтыри. Пристрастіе это многимъ кажется безсмысленнымъ, едва ли не суевѣрнымъ, постоянное чтеніе и перечитываніе этихъ книгъ — занятіемъ механическимъ и безплоднымъ.

«Но для того, чтобы понять это пристрастіе, стоитъ только вспомнить содержаніе этихъ книгъ, оцѣнить практическое значеніе ихъ ежедневнаго употребленія.

«Псалтырь — высочайшій памятникъ лирической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Содержаніе ея — цѣльное и вѣчное. Это — постоянное созерцаніе величія и милосердія Божія, сердечный призывъ къ высотѣ и чистотѣ нравственной, глубокое сокрушеніе о несовершенствахъ человѣческой воли, непоколебимая вѣра въ возможность побѣды надъ зломъ при помощи Божіей. Всѣ эти темы постоянно звучатъ одновременно, въ сочетаніяхъ разнообразія изумительнаго, въ оборотахъ рѣчи неисчерпаемой красоты, силы и нѣжности»²⁴⁾.

Въ другомъ мѣстѣ С. А. Рачинскій еще болѣе настойчиво указываетъ на необходимость изученія въ школѣ Псалтыри:

«... на ряду съ чтеніемъ Евангелія необходимо въ школѣ и чтеніе Псалтыри, вопреки всякимъ дидактическимъ соображеніямъ, которыя можно привести противъ ея чтенія»²⁵⁾.

Развивая свои взгляды на русскую начальную школу

¹⁹⁾ «Шестой всероссійскій съѣздъ старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ 25 августа 1905 г.» Н.-Новгородъ, 1905 г., стр. 92.

²⁰⁾ «Отчетъ Московской Общины христіанъ древне-православно-каѳолическаго вѣроисповѣданія и благочестія старо-поморскаго согласія за 1908 г.», стр. 14.

²¹⁾ В. В. Розановъ: «Сумерки просвѣщенія», стр. 223 и слѣд.

²²⁾ В. В. Розановъ: «Опавшіе листья», стр. 452.

²³⁾ С. А. Рачинскій: «Сельская школа». Сборникъ статей, стр. 19.

²⁴⁾ Тамъ же, стр. 212.

²⁵⁾ Тамъ же, стр. 60.

С. А. Рачинскій настаиваетъ на преподаваніи въ ней церковно-славянскаго языка:

«Кромѣ всѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ желательно или нужно во всякой сельской школѣ, польза и необходимость которыхъ еще смутно сознается нашимъ безграмотнымъ населеніемъ, русская сельская школа уже теперь обязана сообщать своимъ питомцамъ знаніе церковно-славянскаго языка»²⁶⁾.

Надо вплотную подойти къ нашей теперешней сельской, и вообще начальной школѣ, нужно видѣть и учебники, эти пресловутые «Барановы» и учащихся, блуждающихъ по «рекомендованнымъ», «одобреннымъ» и «допущеннымъ» пособіямъ и руководствамъ, чтобы понять всю глубину мыслей, высказанныхъ С. А. Рачинскимъ въ его прекрасныхъ статьяхъ въ сборникѣ «Сельская школа». Какъ глубоко чужда наша теперешняя начальная школа русскому народу, какъ она ему мало даетъ, можно увидѣть на любомъ экзаменѣ въ сельской школѣ. У насъ, на Руси, при современной постановкѣ начального образованія нерѣдки рецидивы безграмотности.

Теперь посмотримъ, на какихъ началахъ стремится старообрядчество построить свою начальную школу.

Старообрядцы-безпоповцы (поморцы) на своемъ первомъ соборѣ-сѣздѣ (въ 1909 г.) такъ опредѣлили направленіе старообрядческихъ школъ:

«Старообрядцамъ надо создать такую обстановку учебнаго дѣла, надо подготовить такихъ учителей-педагоговъ, чтобы юноши, ищущіе просвѣщенія, выходили изъ школы крѣпкими въ древле-православной вѣрѣ, твердыми въ русско-народныхъ убѣжденіяхъ и способными здраво и дѣловито разбираться въ жизненныхъ противорѣчіяхъ и соблазнахъ. Школа, положившая въ основу Бога, какъ источника премудрости, не потребуетъ преобразованій, учебная система, тѣсно соединенная съ древле-православной религіей, будетъ наиболѣе живуча и наиболѣе соотвѣтственна съ духомъ христіанъ древняго благочестія. Школу при такихъ прочныхъ устояхъ никогда не придется подвергать коренной ломкѣ, такъ какъ она прочно сольется съ многомилліоннымъ старообрядческимъ народомъ и будетъ жить съ нимъ одною жизнью, дышать съ нимъ одною душою и вѣровать однимъ сердцемъ. Вотъ тѣ начала и основы, на которыхъ должны быть создаваемы всѣ старообрядческія школы»²⁷⁾.

И эти начала должны, по убѣжденію старообрядцевъ, проникнуть не только начальныя школы, но и среднія и высшія:

«Во всѣхъ видахъ старообрядческой школы низшей, средней и высшей должны царить духъ Евангелія, благочестія и старообрядческо-русской народности, какъ основныя начала, на которыхъ покоится просвѣтительная школьная работа»²⁸⁾.

Старообрядцы-поповцы на тѣхъ же основахъ строятъ дѣятельность своего московскаго старообрядческаго института:

«Въ области воспитанія онъ (старообрядческій институтъ) долженъ ставить своею задачею охраненіе и развитіе тѣхъ особенностей, которыя такъ рѣзко отличаютъ старообрядцевъ отъ не-старообрядцевъ. Характерная черта старообрядцевъ — глубокая народность вѣры. Въ старообрядчествѣ каждый вѣрующій чутко проникается той мыслью, что духовная благодать одинаково покоится на каждомъ вѣрующемъ и что каждый вѣрующій въ силу этого есть правомочный участникъ церковно-общественной жизни. Отсюда идетъ выборное начало и отказъ отъ положенія учимыхъ и уча-

щихъ, отъ мысли о самостоятельности духовенства и несамостоятельности мірянъ. Вѣковая борьба старообрядцевъ за отстаиваніе своихъ религіозныхъ убѣжденій выработала въ нихъ энергію и настойчивость, трезвость и самостоятельность, и создала умѣнье отстаивать свои взгляды и убѣжденія. Это характерныя особенности старообрядцевъ, и они должны быть сохранены и развиты возникающей старообрядческой школой.

... На постановку религіозно-нравственнаго воспитанія должно быть обращено особое вниманіе руководителей старообрядческаго института. И потому, что старообрядческій институтъ является учрежденіемъ старообрядческимъ, а старообрядцевъ всегда отличала глубокая религіозность, и потому, что въ самой христіанской религіи — могучій источникъ нравственнаго воздѣйствія на воспитываемаго, для развитія въ немъ христіанскихъ началъ»²⁹⁾.

Старообрядцы-безпоповцы, старо-поморскаго согласія (ѡдосѣвцы) такъ опредѣляютъ задачу своей школы, находящейся на Преображенскомъ кладбищѣ:

«Такъ какъ цѣль училищъ общины — воспитывать подрастающее поколѣніе, главнымъ образомъ *въ духѣ истинно-христіанской вѣры и благочестія*, то во главѣ преподаванія поставлены Законъ Божій, церковно-славянскій языкъ и духовное пѣніе, какъ предметы, тѣсно связанные, по своему духовному смыслу, съ означенной цѣлью училищъ»³⁰⁾.

Старообрядцы-поповцы, приѣмлющіе священство переходящее отъ господствующей церкви, въ такихъ выраженіяхъ опредѣляютъ основныя задачи старообрядческой школы:

«Общая же задача нашихъ училищъ — всестороннее развитіе личности: религіозное — въ смыслѣ пробужденія въ ней чувства сыновней связи съ Творцомъ вселенной — Богомъ, нравственное — въ смыслѣ постоянного стремленія къ самоусовершенствованію, въ смыслѣ воспитанія въ ней чувства любви и уваженія къ ближнимъ, умственное — въ смыслѣ сознательнаго отношенія ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни и природы; эстетическое — въ смыслѣ развитія въ личности способности понимать прекрасное въ жизни, искусствѣ и наукѣ»³¹⁾.

Аналогичныя мысли о начальномъ обученіи высказываютъ и старообрядцы на мѣстахъ:

«Нѣкоторыя изъ дѣтей обучаются у мѣстныхъ женщинъ — читалокъ неграмотныхъ. Обученіе же *церковному чтенію и пѣнію* является дѣломъ необходимымъ» (Черниговской губ.)³²⁾.

«Да, начальное образованіе необходимо *въ духѣ старообрядчества*, какъ бы положить на чистомъ сердцѣ дитяти камень вѣры на всю его жизнь» (Владимірской губ.)³³⁾.

Старообрядцы, указывая на то, что воспитаніе въ ихъ школѣ должно совершаться въ духѣ старообрядчества, настаиваютъ на необходимости преподаванія церковнаго чтенія и пѣнія. Эти два предмета наиболѣе характерны для старообрядческой школы, къ нимъ, собственно и сводилось все старообрядческое вольное учительство.

Религіозная вѣра старообрядчества — активная, жизненная, входящая въ повседневную жизнь старообрядца; это та точка, гдѣ смыкаются сознаніе и воля старообрядче-

²⁹⁾ «Докладная записка о преподаваніи въ Старообрядческомъ Институтѣ», стр. 4 и слѣд.

³⁰⁾ «Отчетъ Московской Общины христіанъ древле-православно-каѡлическаго вѣроисповѣданія и благочестія старо-поморскаго согласія за 1909 г.», стр. 17.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 129

³²⁾ «Вопросы народнаго образованія среди старообрядцевъ», стр. 74.

³³⁾ «Труды II-го всероссійскаго старообрядческаго сѣзда христіанъ, приѣмлющихъ священство, переходящее отъ господствующей въ Россіи церкви, состоявшагося въ Н.-Новгородѣ 10—15 мая 1909 г.». Москва, 1909 г., стр. 71.

²⁶⁾ Тамъ же, стр. 6.

²⁷⁾ «Первый Всероссійскій Соборъ христіанъ-поморцевъ, приѣмлющихъ бракъ». Часть 3-я. Доклады по гражданскимъ дѣламъ, стр. 5.

²⁸⁾ Тамъ же, стр. 4.

ства. Лучшимъ характеризующимъ примѣромъ является старообрядческое богослуженіе — познаніе Бога, приближеніе къ Нему возможно только путемъ личнаго религіознаго опыта, путемъ молитвы, только въ послѣдней достигается непосредственное прикосновеніе души человѣческой къ Божественному Началу. И чѣмъ, слѣдовательно, больше участія, душевной активности проявить молящійся, тѣмъ ближе онъ подойдетъ къ Источнику вѣчной благодати и Премудрости. Уставность старообрядческаго богослуженія, извѣстная дисциплина, чинность, все это превращаетъ пришедшаго въ храмъ изъ *присутствующаго* въ *участника* общественной молитвы. Вполнѣ послѣдовательно поступаютъ старообрядцы, когда особое вниманіе удѣляютъ преподаванію въ своей школѣ церковнаго чтенія и пѣнія: вѣдь это путь къ ближайшему, непосредственному участию въ богослуженіи, или другими словами, — путь познанія Божьей Премудрости, предъ которой человѣческая — подобна холодному, отраженному свѣту луны передъ животворнымъ сіяніемъ солнца.

И. Кирилловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Авантюристъ въ роли церковнаго реформатора.

Современное состояніе господствующей въ Россіи церкви во многомъ напоминаетъ времена бывшаго московскаго патріарха Никона. Какъ теперь въ рядахъ церковныхъ правителей появляются лица неизвѣстныхъ, сомнительныхъ и темныхъ и вершатъ судьбами церкви — такъ тогда церковными дѣлами вѣдали разные проходимцы, авантюристы, способные на всѣ руки и готовые за деньги на всякое безчестное дѣло. Въ наше время создаютъ и рѣшаютъ церковныя дѣла Иллідоры, Восторговы, Иннокентіи, Варнавы, появившіеся у власти неожиданно и неизвѣстно откуда, — въ никоновскую эпоху историческая волна выбрасывала на поверхность церковной жизни пришельцевъ съ Востока: Арсеніевъ, Діонисіевъ, Аѳанасіевъ, Аверкіевъ, Мелетіевъ, Агафангеловъ, Леонтіевъ и многихъ другихъ лицъ съ темнымъ и позорнымъ прошлымъ. Но всѣхъ ихъ превзошелъ своей ловкостью и пронырливостью, безчестностью и безстыдствомъ знаменитый Паисій Лигаридъ, газскій митрополитъ. Далеко до него и современнымъ дѣльцамъ, названнымъ въ адресъ московской городской думы г. Самарину «темной закулисной силой».

Паисій Лигаридъ прибылъ въ Москву въ февралѣ 1662 г. и сразу занялъ здѣсь весьма видное и вліятельное положеніе. Въ это время приняла острый характеръ тянувшаяся уже четвертый годъ ссора патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Никонъ сбѣжалъ самовольно съ московскаго патріаршаго престола 10-го іюля 1658 г. и предалъ себя анаемѣ, если захочетъ опять быть патріархомъ. Однако послѣ сего онъ продолжалъ величать себя патріархомъ, совершалъ архіерейскія службы, посвящалъ духовныхъ лицъ и пытался снова восхитить патріаршій престолъ. Всѣхъ архіереевъ русской церкви, почему-либо неугодныхъ ему, онъ предавалъ проклятію, обзывалъ ихъ дерзкими и хульными словами. Созванный на него въ Москвѣ въ 1660 г. соборъ онъ объявилъ жидовскимъ и бѣсовскимъ скопищемъ («Исторія русской церкви», митр. Макарія, т. XXI, стр. 397 и 405). Предалъ Никонъ проклятію и самого царя. Царь не зналъ, что дѣлать съ Никономъ, у кого искать на него управы и суда; русскіе архіереи были безсильны собственнымъ су-

домъ справиться съ нимъ. Никонъ ставилъ себя выше ихъ собора и доказывалъ, что они не въ правѣ судить своего патріарха-отца, къ тому же ихъ рукополагателя. Никонъ наставлялъ архіереевъ бездарныхъ, малограмотныхъ и безвольныхъ. Они плохо разбирались въ простыхъ церковныхъ вопросахъ, Никонъ же своимъ бѣгствомъ съ престола и вызывающимъ отношеніемъ ко всей іерархіи и царской власти создалъ весьма сложный и запутанный вопросъ въ церковной іерархической области. Невѣжественные и безпомощные архіереи не могли разобраться въ этомъ новомъ для нихъ и для всей русской церкви вопросѣ. Приѣздъ въ Москву газскаго митрополита Паисія былъ какъ нельзя болѣе кстати. Этотъ пріѣзжій грекъ былъ образованнымъ и даже ученымъ человѣкомъ, весьма начитаннымъ въ церковной исторической и святоотеческой литературѣ, умѣвшимъ ловко разбираться въ запутанныхъ дѣлахъ. Онъ обладалъ необычайной способностью прилаживаться къ любой средѣ и обстановкѣ, онъ могъ служить чему угодно и кому угодно, лишь бы это было ему выгодно. Такой гибкій человѣкъ оказался драгоценнымъ кладомъ для русской іерархіи и московскаго царя, безпомощныхъ въ борьбѣ съ Никономъ. Они ухватились за Паисія Лигарида, какъ за спасительный оплотъ. Пришлый іерархъ сталъ ихъ руководителемъ и вдохновителемъ, ему были поручены всѣ важнѣйшія дѣла русской церкви. Ровно одиннадцать лѣтъ Паисій жилъ безвыѣздно въ Москвѣ и былъ вершителемъ судебъ русской іерархіи и церкви. Какое онъ имѣлъ значеніе въ этой дѣятельности, объ этомъ свидѣтельствуемъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ къ патріарху іерусалимскому Нектарію отъ 13-го іюля 1669 г. «Извѣщаю о митрополитѣ газскомъ Паисіѣ, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ, какъ великаго учителя и переводчика нашего, — писалъ царь, — да возымѣетъ первую честь и славу... Онъ много потрудился и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о исправленіи Христовой Церкви словомъ и дѣломъ» (Каптеревъ: «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», т. II, стр. 507). Какія чрезвычайно важныя дѣла были поручены Паисію Лигариду — исправлять даже Церковь Христову. Русскіе архіереи въ своей соборной грамотѣ титуловали его «великимъ экзархомъ всея Палестины, возлюбленномъ о Святомъ Духѣ братѣ и архіереемъ Божіимъ». По свидѣтельству патріарха Никона, царь слушалъ Паисія «какъ пророка Божія» (тамъ же, стр. 270 и 506). Онъ дѣйствительно былъ великимъ пророкомъ и учителемъ и не для одного Алексѣя Михайловича, а для всей тогдашней русской іерархіи. Онъ былъ главнымъ руководителемъ и великаго московскаго собора 1667 г. Засѣдавшіе на этомъ соборѣ восточные патріархи Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій признали его своимъ собратомъ и сослужителемъ, вполнѣ православнымъ архіереемъ, преданнымъ восточной церкви.

Въ дѣйствительности же Паисій Лигаридъ былъ латинщикомъ, воспитанникомъ іезуитовъ, ловкимъ проходимцемъ, обманщикомъ, притворявшимся строгимъ ревнителемъ православія. И тогда личность Паисія казалась многимъ подозрительной; до Москвы и въ то время доходили слухи съ Востока, что онъ отступникъ православія, усердный служитель папства, человѣкъ гибкой совѣсти: съ православными — православный, съ латинянами — латинщикъ. Теперь же, послѣ обнародованія о немъ документовъ, извлеченныхъ изъ архива римской конгрегации «Пропаганда», онъ представляется намъ въ настоящемъ своемъ образѣ, какъ дѣятель латинской миссіи. Въ 1913 г. вышла въ Петроградѣ интересная и документальная книга римско-католическаго патера П. Пирлинга: «Историческія статьи и замѣтки», въ которой напечатаны о Паисіѣ Лигаридѣ «Новыя свѣдѣнія изъ римскихъ архивовъ». Она дорисовала личность Паисія. Извлеченныя изъ римскихъ источниковъ документы даютъ свѣдѣнія глав-

различія въ этомъ отношеніи между мужчинами и женщинами не замѣчается. Кромѣ того замѣчено, что разговариваютъ въ храмѣ во время литургіи и ведутъ себя неприлично преимущественно мужчины, въ невниманіи къ богослуженію и въ неприличіи въ церкви женщины замѣчаются рѣдко.

Замѣчательно, что въ сельскихъ церквахъ и въ церквахъ глухихъ уѣздныхъ городовъ такихъ явленій не бываетъ или почти не бываетъ: во время Херувимской пѣсни и во время Отче нашъ замѣчаемъ стоящими на колѣняхъ и мужчинъ, и женщинъ, притомъ разговаривающихъ въ церкви во время богослуженія не бываетъ или почти не бываетъ. А относительно приличія въ храмѣ положительно надо сказать, что простой народъ ведетъ себя въ храмѣ благороднѣе, чѣмъ интеллигенція; наша интеллигенція бравируетъ предъ простымъ народомъ своимъ незнаніемъ православнаго богослуженія и своимъ легкомысліемъ. Нашъ интеллигентъ, пришедши въ храмъ, какъ бы старается показать, что онъ не интересуется богослуженіемъ, бросаетъ свои взоры на разныя стороны храма, разговариваетъ смѣется.

Что бы это обозначало? Откуда такое рѣзкое различіе въ поведеніи въ храмѣ интеллигентныхъ лицъ отъ простыхъ сердцемъ и почему такого явленія не замѣчается въ храмахъ иновѣрныхъ?

До недавняго времени, до 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, торжественныя богослуженія, особенно въ царскіе дни обязаны были посѣщать храмы Божіи всѣ чины гражданскаго и военнаго вѣдомствъ. И понятно: православіемъ создано и укрѣплено наше государство; это составляетъ причину, почему государственныя чины должны были чтить праздничныя и табельныя дни посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ практиковался обычай, что всѣ чины въ табельныя дни собирались въ казенныя помѣщенія своихъ начальниковъ, откуда всѣ совмѣстно отправлялись къ обѣднѣ въ церковь. Здѣсь старшіе чины становились впереди, а младшіе за ними по порядку ранга. Послѣ молебствія чины послѣ цѣлованія креста подходили къ своему начальнику и поклономъ ему выражали поздравленіе съ праздникомъ. Красиво было смотрѣть на эту церемонію.

Но это была только внѣшняя красота; внутренней красоты, сердечности здѣсь не было. Извѣстно, главные чины у насъ въ гражданскомъ и военномъ вѣдомствѣ были до послѣдняго времени инородцы, преимущественно нѣмцы. Возьмите адресъ-календаръ военнаго вѣдомства за минувшіе годы и вы убѣдитесь, что генеральскія мѣста, за немногими исключеніями, были заняты нѣмцами; то же нужно сказать относительно полковыхъ командировъ, но между капитанами замѣчаются чаще чисто-русскія фамиліи,—и это потому, что нѣмцы неохотно занимали капитанскія мѣста, какъ сопряженные съ большими трудами, а между тѣмъ плохо оплачиваемыя. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ замѣчалось то же явленіе: губернаторы, вице-губернаторы, предсѣдатели казенныхъ палатъ, управляющіе государственными банками, желѣзнодорожныя начальники и пр.—все это были люди большею частью не-русскіе. Не всѣ они, украшенные красивыми мундирами и разнообразными орденами, аккуратно въ табельныя дни и въ большіе церковныя праздники являлись въ Божій храмъ, становились впереди и составляли предметъ общаго вниманія. Давая тонъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ, они, сами того не замѣчая, вредно вліяли на православныя души молящихся. Они не осѣняли себя крестнымъ знаменемъ и не становились на колѣни, не творили поклоновъ ни поясныхъ, ни земныхъ, хотя становились на колѣни, когда слышали призывъ діакона: преклоньше колѣна помолимся. Стоявшіе тутъ же, недалеко, подчиненныя чины старались вести себя въ церкви такъ, какъ себя ведетъ ихъ начальникъ, и было бы нехорошимъ тономъ, если бы какой-нибудь чиновникъ въ виду своего начальника, нѣмца, сталъ класть частыя земныя поклоны, становиться на колѣни и часто осѣнять себя крестнымъ знаменемъ. Отсюда у насъ и обычай интеллигентныхъ лицъ стоять въ церкви столбомъ, не творя поклоновъ, не склоняя своей главы, когда это требуется возгласомъ діакона, и не осѣняя себя крестнымъ знаменемъ. Скучно долго стоять столбомъ, и начинаются разговоры одного чиновнаго столба съ другимъ.

На лѣвой сторонѣ храма, на женской половинѣ, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Женъ неправославныхъ чиновниковъ здѣсь нѣтъ, потому что всѣ протестантки или католички и слѣдовать имъ въ церковь съ мужьями не представляется необходимости, здѣсь по лѣвой сторонѣ только однѣ православныя женщины, и онѣ безъ стѣсненія исполняютъ въ храмѣ православныя обычаи: крестятся истово,

кладутъ то земныя то поясныя поклоны и въ опредѣленное обычаемъ время становятся на колѣни.

Протоіерею Ковальницкому нужно бы знать, что обычай стоять на колѣняхъ господствующая церковь переняла у латинявъ. Только креститься истово—христіанскій обычай, но его не знаютъ въ господствующей церкви не только міряне, но и священныя лица. Едва ли какой архіерей ея умѣетъ креститься истово, только развѣ простые мужички перекрестятся истово. Не лишне было бы іереямъ и архіереямъ поучиться хорошимъ обычаямъ при молитвѣ и богослуженіи у старообрядцевъ—настоящихъ русскихъ людей. Латинскіе и нѣмецкіе обычаи пора бы и оставить.

Старообрядчество и русская школа

(Окончаніе. См. № 51 журн. «Слово Церкви».)

Въ дѣлѣ школьнаго воспитанія между старообрядческими согласіями существуетъ несомнѣнное и глубокое единеніе. Въ этомъ лежитъ драгоцѣнная возможность совмѣстной работы просвѣщенныхъ и подготовленныхъ силъ всѣхъ старообрядческихъ согласій на общей нивѣ истинно-христіанскаго просвѣщенія, которое, да послужитъ къ укрѣпленію и распространенію основъ старообрядчества на благо всей земли Русской! Совмѣстная дѣятельность въ области школьнаго дѣла тѣснѣе сблизитъ между собой старообрядцевъ разныхъ согласій, поможетъ имъ лучше узнать другъ друга и установить истинно-братскія отношенія. Извѣстія съ далекихъ окраинъ нашей родины даютъ основаніе надѣяться, что это свѣтлое и радостное для старообрядчества время не за горами:

«Если откроется училище, то, по всей вѣроятности, въ него не откажутся отдавать своихъ дѣтей и другія исповѣданія старообрядцевъ, которыхъ также будетъ немало число» (Донская обл.).

Аналогичный взглядъ высказанъ и изъ Вятской губ.: «Здѣсь еще есть большое общество безпоповцевъ, и они всѣ единогласно желаютъ открыть свое старообрядческое христіанское училище, совмѣстное, чтобы и ихъ дѣти обучались съ нашими закону Божію, чтенію и пѣнію».

Далекая Акмолинская область раздѣляетъ тотъ же взглядъ: «Наше селеніе отстоитъ отъ желѣзной дороги на 600 верстъ и также отъ своихъ христіанъ не ближе; въ такомъ глухомъ мѣстѣ обязательно желательно открыть начальное училище, но только въ духѣ своего исповѣданія (старообрядческаго). Нашъ приходъ состоитъ изъ 700 душъ обоего пола, да кромѣ того, есть въ нашемъ селеніи поморы, которые также съ нами желаютъ имѣть таковое училище и ихъ не менѣе 300 душъ»³⁴⁾.

Насколько старообрядчество единомысленно во взглядѣ на основы воспитанія и обученія, настолько же оно единомысленно въ отрицаніи того уклона современнаго просвѣщенія, который характеризуется раціонализмомъ и матеріализмомъ, этими, по выраженію старообрядцевъ, «еретическими ученіями». Старообрядцы твердо вѣрятъ, что ихъ школы спасутъ молодое старообрядческое поколѣніе отъ тлетвернаго вліянія духа времени.

«Запомните, братіе, что старообрядческія школы, это—фундаментъ нравственной и религіозной жизни. Ими мы вполне можемъ оградить многихъ отъ всякихъ еретическихъ ученій и невѣрія. Уже и въ настоящее время видны плоды

³⁴⁾ Тамъ же, стр. 77 и слѣд.

старобрядческихъ школъ, гдѣ онѣ есть. Необходимо имѣть ихъ вездѣ»³⁵⁾.

«Безвѣріе» и «нравственное разложеніе общества»,— вотъ враги, на которыхъ ополчается старообрядчество всѣхъ областей Россіи и всѣхъ согласій. Въ далекой Сибири старообрядцы собираются на сѣзды, горячо обсуждаютъ грядущія бѣды и видятъ спасеніе отъ нихъ въ учрежденіи старообрядческихъ школъ:

«На борьбу-то съ этимъ зломъ, съ этой надвигающеюся опасностью мы и собрались въ прошломъ году, чтобы совместно выработать планъ борьбы противъ безвѣрія и нравственного разложенія общества. Лучшимъ средствомъ мы нашли устройство школъ въ духѣ древняго христіанскаго благочестія, съ преподаваніемъ въ нихъ необходимыхъ свѣтскихъ знаній, чтобы память наша не была опорочена дѣлами, вытекающихъ изъ насъ будущихъ поколѣній»³⁶⁾.

Характерной чертой религіозныхъ воззрѣній старообрядчества всѣхъ согласій, какъ уже говорилось, является, если можно такъ выразиться, *реализмъ вѣры*, подтвержденіе вѣры дѣлами въ повседневной жизни; въ этомъ-то и заключается вся тайна непоборимой внутренней мощи старообрядчества. И вотъ предъ послѣднимъ предстала современная жизнь, съ ея мишурной культурой и упрощеннымъ матеріалистическимъ міропониманіемъ. Вполнѣ естественно, что духовныя цѣнности старообрядчества, основанныя съ одной стороны на ученіи Христа, а съ другой—укрѣпленныя неразрывной связью съ вѣковой исторіей русскаго народа, не совпали съ цѣнностями современной культуры, и старообрядцы на гражданскую жизнь смотрятъ подъ особымъ угломъ зрѣнія. Старообрядцы съ душевной скорбью наблюдаютъ какъ окружающая ихъ среда коверкаетъ молодыхъ неопытныхъ души, какъ бурное житейское море захлестываетъ своими грязными волнами утлую ладью неумѣлаго кормчаго... Вотъ какія задачи ставятъ себѣ старообрядческіе священники на одномъ изъ епархіальныхъ сѣздовъ:

«... Намъ, пастырямъ и учителямъ, предстоитъ великая забота быть на стражѣ нивы Христовой, очищать ее отъ плевелъ: грѣховныхъ привычекъ и обычаевъ, изъ невѣровъ дѣлать вѣрующихъ христіанъ и исполнителей заповѣдей Христовыхъ... Нужно всѣмъ православнымъ христіанамъ, священникамъ и учителямъ, отцамъ и матерямъ, и ревнителямъ благочестія, сплотиться въ единую семью и удержать наше молодое юношество отъ края гибели: въ нихъ нужно сѣять сѣмя Божіе, какъ на доброй землѣ, которая еще не испорчена и не заражена развратомъ грѣха и невѣрія; дать дѣтямъ пищу духовную, чистую, безъ всякой нечистой примѣси, чтобы они не испортили свои душевныя силы и разумъ. Тогда не могутъ поколебать ихъ никакіе еретическіе соблазны. Этого можно достигнуть, главнымъ образомъ, въ старообрядческихъ училищахъ»³⁷⁾.

Такія же надежды возлагаютъ на школы и старообрядцы безпоповцы-поморцы:

«Учреждая свои школы, мы вырвемъ ребенка нашего изъ гнетворной для него среды, мы этимъ дадимъ ему возможность, имѣя общеніе только со старообрядческой семьей, воспитываться въ духѣ нашего вѣроученія и нашихъ воззрѣній на жизнь гражданскую. Находясь постоянно подъ руководствомъ нашихъ наставниковъ и гражданскихъ учителей-старообрядцевъ, дитя наше опытной рукой будетъ подготавливаемо къ плаванію въ этомъ бурномъ житейскомъ мо-

рѣ—и въ будущемъ, когда оно станетъ взрослымъ человекомъ, уже не собьется съ пути и твердою рукой направитъ ладью своей жизни къ прочной и тихой христіанской пристани»³⁸⁾.

Немало искушеній приходится переживать современному старообрядчеству: съ одной стороны отвергнутое всѣмъ образованнымъ обществомъ истинно-христіанское просвѣщеніе, неприспособленное къ проведенію въ жизнь, а съ другой—махровый расцвѣтъ всяческой «научности», «естественности» и «раціональности»! Вся современная жизнь построена такъ, что нельзя обойтись безъ специальной подготовки, а эта «подготовка» не только даетъ средство справиться съ запросами современной техники жизни, но незамѣтно прививаетъ и чуждыя старообрядцу понятія, взгляды и оцѣнки. Въ современномъ старообрядствѣ борются святое преданіе старины и неумолимые требованія времени. Общественные дѣятели старообрядчества не закрываютъ глазъ на предстоящія трудности и прямымъ путемъ смѣло идутъ къ ихъ разрѣшенію.

«На руководителей возникающаго учебнаго заведенія ложится почетная, но въ высшей степени отвѣтственная работа. Старообрядческій институтъ долженъ быть «старообрядческимъ» институтомъ, онъ долженъ сохранить все то, что такъ рѣзко отличаетъ насъ, старообрядцевъ, отъ не-старообрядцевъ, сохранить старину, но и сочетать ее съ новизною»³⁹⁾.

Сочетаніе старины съ новизной—вотъ задача, надъ которой настойчиво работаетъ современное старообрядчество и уже намѣтившееся разрѣшеніе этой трудной задачи показываетъ, что старообрядчество осталось вѣрно своимъ завѣтамъ, что оно не продало своего первородства за чечевичную похлебку современной жизни. Старообрядчество возьметъ, хотя бы въ школьномъ дѣлѣ, все то, что даетъ современная педагогика, школьная техника и гигиена, но суть оставить прежнюю, вѣками испытанную, оставить тѣ же свои родныя, старыя книги (хотя бы и вновь переизданныя по послѣднему слову типографскаго искусства), сохранить нерушимо выстраданныя идеи и тѣмъ самымъ станетъ выше той всепоглощающей техники, которая, кажется, готова стереть съ лица земли весь человѣческій родъ, при помощи «наикультурнѣйшей» нѣмецкой націи.

Неразрывная живая связь со славными предками нашими чувствуется въ слѣдующихъ строкахъ доклада старообрядцевъ-поморцевъ по поводу старообрядческихъ школъ:

«Что же теперь мы? Неужели нынѣшнія наши школы посягнуть на скромныя училища благочестія предковъ нашихъ. Не возстанетъ ли уже новое просвѣщеніе противъ стараго? Нѣтъ. По тѣмъ же самымъ книгамъ и ту же духовную науку слѣдуетъ проходить въ нашихъ школахъ и теперь. Учебныхъ заведеній для свѣтскаго образованія всѣхъ вѣдомствъ—низшихъ, среднихъ и высшихъ очень много, и старообрядчество въ нихъ, какъ таковыхъ, не нуждается. Намъ нужна народная, старообрядческая деревенская школа, и на первое время не больше. Названіе «старообрядческая» дается нашимъ школамъ не за общіе предметы, а за одну только религіозность. Посему, если въ школахъ нашихъ не будетъ отведено особаго мѣста нашему вѣроисповѣдному ученію, если это ученіе не будетъ поставлено на высокую независимость отъ учебныхъ блюстителей не нашей вѣры, то такія школы намъ не нужны, онѣ суть одна фантазія. Такъ пусть же въ стѣнахъ нашихъ школъ останется и те-

³⁵⁾ «Епархіальный сѣздъ старообрядческой Нижегородско-Костромской епархіи 11—12 августа 1914 г.». Н.-Новгородъ, стр. 30.

³⁶⁾ «Третій Обще-Сибирскій сѣздъ старообрядцевъ въ городѣ Ново-Николаевскѣ, 10—11 іюля 1907 года». Н.-Николаевскъ, 1907 г., стр. 10.

³⁷⁾ «Епархіальный сѣздъ старообрядческой Нижегородско-Костромской епархіи, 1914 года», стр. 29.

³⁸⁾ «Труды перваго всероссійскаго сѣзда по народному образованію христіанъ-старообрядцевъ поморцевъ въ г. Двинскѣ», стр. 48.

³⁹⁾ «Докладная записка о преподаваніи въ старообрядческомъ институтѣ», стр. 1.

перъ *то учение, то достояніе предковъ, какое было и прежде*»⁴⁰⁾.

Если старообрядчество имѣть вполне опредѣленное воззрѣніе на школу и на ея задачи въ наше время, будетъ вполне понятно отрицательное отношеніе старообрядчества къ существующей общей школѣ, особенно же — духовнаго вѣдомства.

Современная школа не только плохо подготавливаетъ своихъ питомцевъ къ самостоятельной жизни, но дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на душу ребенка, убиваетъ его религіозное чувство, портитъ его нравственность.

«Ясно,—говоритъ архіепископъ Амвросій,—что духъ невѣрія заразилъ наши учебныя заведенія отъ высшихъ до низшихъ. Долго намъ придется, какъ говорятъ наши ученые, не любящіе выражаться по-русски, дезинфицировать ихъ»⁴¹⁾.

Старообрядцы вполне раздѣляютъ взглядъ архіепископа Амвросія (харьковскаго) на существующія школы, и въ своихъ сообщеніяхъ съ разныхъ концовъ Руси заявляютъ о негодности для русскаго народа школъ существующаго типа. Вотъ что пишутъ старообрядцы далекой Томской губерніи:

«Оградите наше юношество отъ растлѣвающаго ихъ нравы чуждаго старообрядчеству вліянія. Этотъ вопросъ первостепенной важности. Постараемся общими нашими силами духовными и матеріальными учредить свои старообрядческія начальныя училища съ преподаваніемъ въ нихъ закона Божія и древняго церковнаго пѣнія. Вотъ наша цѣль, къ которой мы должны стремиться общими силами. *Этимъ только путемъ мы можемъ спасти наше юношество отъ тлетворнаго вліянія развращеннаго инославнаго ученія, и, такимъ образомъ, будемъ имѣть возможность передать нашимъ дѣтямъ дорогое наслѣдіе*»⁴²⁾.

Отсутствіе собственныхъ школъ тормозитъ дѣло просвѣщенія, такъ какъ многіе родители, не противорѣча своей совѣсти, не могутъ довѣрить своихъ дѣтей школѣ, гдѣ, по ихъ наблюденію, добрые примѣры и нравы не процвѣтаютъ:

«Не научатъ никоніанскія училища и добрымъ нравамъ: желательно имѣть старообрядческую школу; дѣтей учить стали бы несравненно болѣе, а то многіе избѣгаютъ никоніанскихъ училищъ и учителей, отъ которыхъ не надѣются видѣть добрыхъ примѣровъ» (Смоленской губ.)⁴³⁾.

Затѣмъ, врядъ ли можетъ у родителей-старообрядцевъ появиться чувство расположенія къ той школѣ, учащіе которой *насилъно* водятъ дѣтей-старообрядцевъ за богослуженіе въ никоніанскій храмъ и по своему религіозному невѣжеству, конечно, принуждаютъ молиться ихъ:

«Намъ больно видѣть, что учительница ведетъ нашихъ дѣтей въ церковь господствующую; кто не встанетъ молиться съ нею на колѣни, того оставляетъ на два часа безъ обѣда, о чемъ много жалобъ» (Херсонской губ.)⁴⁴⁾.

Вотъ какими красками рисуютъ старообрядцы Калужской губерніи результаты «просвѣтительной» дѣятельности начальныхъ школъ ихъ округа:

«У насъ въ селѣ Д. 20 лѣтъ существовала земская школа, которая сгорѣла; вмѣсто земской выстроили министерску школу: она существуетъ 5 лѣтъ; за весь 25-лѣтній срокъ усердные батюшки никоніанскіе, а также и учителя сумѣли настолько развратить нашихъ братьевъ и дѣтей, что у насъ многіе не имѣютъ различія въ вѣрѣ; нѣкоторые и Бога не признаютъ, вся молодежь — табакуры; нарушенъ

постъ, молитвы своихъ не знаютъ, крестятся по-никоніански»⁴⁵⁾.

Такая же мрачная и безотрадная картина изображается въ сообщеніи изъ Пензенской губерніи:

«Въ районѣ К. (Пензенской губ.), на разстояніи тридцати верстъ, старообрядцевъ находится отъ 4 до 5 тысячъ душъ обоюго пола; дѣтей, могущихъ посѣщать школу—350—400 человекъ. Официальной школы старообрядческой не имѣется и келейно по часослову не обучаются; почти безъ исключенія дѣти старообрядцевъ густой волной текутъ въ школы общія господствующей церкви, начальныя и двухклассныя. *Опытномъ доказано*: дѣти старообрядцевъ теряютъ священные завѣты и наслѣдіе нашихъ многострадальныхъ предковъ; кровію освященное церковное преданіе попирается современнымъ школьнымъ образованіемъ. Новизны господствующей церкви и современное вѣяніе безбожія, пренебреженіе властей узаконеннаго порядка легко прививается къ нашему старообрядческому юношеству, вопреки всякаго желанія родителей. Пресѣчь это зло, чуждое намъ, старообрядцамъ,—единственный путь: устройство старообрядческихъ школъ, начальныхъ и двухклассныхъ съ программами широкой степени обученія Закона Божія, церковной исторіи, чтенію и пѣнію по старообрядческимъ книгамъ»⁴⁶⁾.

Таковъ единогласный отзывъ старообрядцевъ о «никоніанскихъ» школахъ! И если старообрядцы въ *такія* школы не желаютъ посылать своихъ дѣтей, развѣ это «невѣжество раскола»? Противодѣйствіе просвѣщенію?! Да гдѣ оно? Вмѣсто послѣдняго старообрядцамъ преподносятъ какой-то мерзкій суррогатъ, отъ котораго коробитъ искреннее стремленіе старообрядцевъ къ просвѣщенію, и они *воплотъ правы*, предпочитая совсѣмъ не прикасаться къ тому «просвѣщенію», которое окончательно затемняетъ и умъ, и сердце просвѣщаемыхъ.

«Въ нашей мѣстности,—пишутъ самарскіе старообрядцы,—школъ довольно, но старообрядцы не желаютъ дѣтей обучать въ этихъ школахъ. *Лучше пусть будутъ поголовно всѣ неграмотные, чѣмъ вести въ «православную» школу; слѣдовательно, старообрядческая школа необходима и желательна всѣмъ старообрядцамъ...*»⁴⁷⁾.

Итакъ, при знакомствѣ со взглядами и стремленіями старообрядчества какъ въ прошломъ, такъ особенно и въ настоящее время, опредѣленно вырисовывается глубоко-просвѣщенный взглядъ на школу, на ея основныя задачи. Старообрядчество поступаетъ строго послѣдовательно, относясь отрицательно къ существующей школѣ; общіе взгляды на жизнь, на земныя блага, *христіанское* отношеніе къ современной жизни диктуютъ старообрядчеству его взгляды на «никоніанскую» школу.

Только въ будущемъ русскій народъ пойметъ и оцѣнитъ заслугу старообрядчества передъ русской школой. Заслуга старообрядчества тѣмъ больше, что старообрядчество ни съ какой стороны не видало въ своихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ поддержки, но, наоборотъ, администрація и духовенство официальной іерархіи видѣли чуть ли не государственное преступленіе въ обученіи старообрядческими старушками дѣтей старообрядцевъ же славянской грамотѣ по Псалтырю.

«250 лѣтъ,—говорилъ депутатъ Госуд. Думы, старообрядецъ Гулякинъ,—мы платили бюджетъ, 250 лѣтъ мы давали на ваше священство деньги, мы платили и за одежду, за бороду. *А дали вы намъ хоть 5 коп. за эти 250 лѣтъ на образованіе?* Кто намъ далъ хоть копейку? Мы давали

⁴⁰⁾ «Первый Всероссийскій Соборъ христіанъ-поморцевъ, приѣмлющихъ бракъ». Часть 3-я, стр. 12.

⁴¹⁾ Архіепископъ Амвросій. «О причинахъ отчужденія нашего образованнаго общества отъ церкви», стр. 15.

⁴²⁾ «Вопросы народнаго образованія среди старообрядцевъ», стр. 130.

⁴³⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁴⁵⁾ Тамъ же, стр. 123.

⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 123.

⁴⁷⁾ Тамъ же, стр. 126.

деньги на миссіонеровъ, и давали ихъ на нашу голову, а они приходили къ намъ раздражать насъ» ⁴⁸⁾).

Старообрядческіе вольные учителя удовлетворяли тѣмъ требованіямъ, которымъ не можетъ удовлетворить современная школа—они были народны, ихъ взгляды и убѣжденія совпадали съ общими взглядами и убѣжденіями; народъ вполне довѣрялъ этимъ учителямъ, безъ колебанія ввѣряя имъ своихъ дѣтей.

«Для разрѣшенія вопроса, — говоритъ А. С. Пругавинъ ⁴⁹⁾, — объ отношеніи народа къ различнымъ группамъ вольныхъ учителей, необходимо знать: какъ посѣщаются школы той или иной группы учителей?.. Число учениковъ, посѣщающихъ ту или другую школу, того или другого учителя, конечно, лучше всего показываетъ отношеніе населенія къ школѣ и учителю. Вопросы эти, по отношенію къ Московской губ., вполне разрѣшаются слѣдующей табличкой, извлеченной нами изъ трудовъ московскаго статистическаго бюро:

УЧИТЕЛЯ;		Число ихъ.	Число ученик у нихъ.	Среднее на 1 учителя.
1) Старообрядцы	Мужчинъ.	5	79	15,8
	Женщинъ.	6	36	6
2) Дворяне . .	Мужчинъ.	5	17	15,4
	Женщинъ.	1	3	3
3) Солдаты . .	Мужчинъ.	50	545	10,9
	Женщинъ.	4	53	13,2
4) Разночинцы .	Мужчинъ.	8	100	12,5
	Женщинъ.	3	18	6
5) Выуч. зем. шк.	Мужчинъ.	3	20	6,7
	Женщинъ.	1	10	10
6) Крестьяне . .	Мужчинъ.	160	1.466	9,2
	Женщинъ.	53	487	9,2
7) Мѣщане . . .	Мужчинъ.	18	166	9,2
	Женщинъ.	4	29	7,2
8) Причетники.		100	808	8,1
9) Женщины духовн. званія .		7	53	7,6
10) Священники		37	280	7,6
11) Діаконы		16	114	7,1

Такимъ образомъ, официальные безпристрастные цифры доказываютъ, что учителя-старообрядцы пользуются въ глазахъ народа наибольшимъ довѣріемъ ⁵⁰⁾. Но посмотрите въ конецъ таблицы, и вы увидите, что представители официальной іерархіи занимаютъ *последнее мѣсто*. Таково къ нимъ довѣріе народа! При соприкосновеніи съ фактами жизни безъ труда разрушается ходячая фантазія о «невѣжественности раскола». Исслѣдователь старообрядчества А. П. Щаповъ такъ объясняетъ и опредѣляетъ значеніе и дѣятельность вольныхъ старообрядческихъ учителей:

«Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученію живому, своимъ одноправнымъ, домо-рощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученіемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время, какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простого народа—для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взявъ на себя миссію, пропаганду

учительства народнаго. И путь ученія, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ нельзя болѣе споспѣшествующій цѣли—путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всѣмъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующие грамотники, наставники раскола, несравненно съ большимъ усиліемъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученіе, чѣмъ правительственные учителя казенныхъ, замкнутыхъ, корпоративныхъ школъ, потому что они сами выходили изъ того же самаго народа, который учили, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученіе ихъ было прямо жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно возводило въ доктрину не отвлеченно-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ» ⁵¹⁾.

Несомнѣнно, что въ грядущемъ освобожденіи и возрожденіи русскаго народа школа всѣхъ степеней будетъ имѣть первостепенное значеніе. Только оздоровивши школу, построивъ ее на здоровыхъ національныхъ началахъ, можно воспитать крѣпкое духомъ поколѣніе, только этимъ путемъ можно разбудить и развить заложенные Творцомъ въ нашемъ народѣ способности и таланты. И вотъ, при коренной переустройкѣ нашей школы, и низшей, и средней, и высшей, какъ нельзя болѣе пригодятся тѣ начала школьнаго воспитанія и обученія, которыя кровавымъ и тернистымъ путемъ донесло до нашего времени непоколебимо-русское, православно-христіанское старообрядчество!

И. Кирилловъ.

Авантюристъ въ роли церковнаго реформатора.

(Окончаніе. См. № 51 журн. «Слово Церкви»).

Въ запутанномъ дѣлѣ патріарха Никона Паисій Лигаридъ сталъ на сторону его враговъ. Онъ видѣлъ, что отъ сбѣжавшаго съ престола патріарха, подлежащаго соборному суду за самоволіе и другіе проступки и не пользовавшагося уже милостями и дружбою царя, пожитьея трудно. На сторонѣ же враговъ Никона можно пріобрѣсти и власть, и почетъ, и, главное, щедрую награду. Смѣтливый авантюристъ не ошибся въ своихъ расчетахъ.

О Паисіи стали доходить съ Востока неблагоприятные ему слухи. Самъ Никонъ узналъ о немъ, что онъ латынщикъ и служитель римскаго папы. Въ первую же встрѣчу съ Лигаридомъ Никонъ набросился на него: «Воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ! Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамота? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить. И здѣсь хочешь сдѣлать то же» («Исторія русской церкви», митр. Макарія, т. XII, стр. 452). Въ отвѣтъ на соборную грамоту русскихъ архіереевъ, въ которой Паисій названъ «возлюбленнымъ о св. Духѣ братомъ», Никонъ заявилъ: «Напрасно-де власти гаскаго митрополита пишутъ себѣ братомъ, тотъ де братъ будетъ имъ вмѣсто антихристовъ предотечи, услышите-де, что впредь учить про нихъ говорить» (Каптеревъ: «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», т. II, стр. 314). Въ особомъ посланіи къ Паисію Никонъ еще рѣзче отзывается о немъ. Обращаясь къ этому проходивцу, такъ легко пробравшемуся въ Москвѣ къ верхамъ власти, Никонъ пишетъ: «Волкомъ являишися вмѣсто пастыря, смущая и разоряя

⁴⁸⁾ «Законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ въ Государ. Думѣ», стр. 128.

⁴⁹⁾ А. С. Пругавинъ. «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія», стр. 61.

⁵⁰⁾ На учителя-старообрядца, какъ показываетъ таблица, въ среднемъ приходится наибольшее количество учениковъ.

⁵¹⁾ А. П. Щаповъ: собр. сочин. т. I, стр. 501 и слѣд.